

Владимир
Санников
Записки
простодушного
Жизнь в Москве

Владимир Санников

**Записки простодушного.
Жизнь в Москве**

«Языки Славянской Культуры»

2018

УДК 82/821

ББК 84-4

Санников В. З.

Записки простодушного. Жизнь в Москве / В. З. Санников —
«Языки Славянской Культуры», 2018

ISBN 978-5-94457-341-4

Данная книга – воспоминания автора о жизни в Москве с 1955 г. Живо и с юмором описывается научная и общественная жизнь Институты Академии наук в «период оттепели), их «золотой век», сменившийся периодом «смуты» в 60-70-х, изгнание из Академии по политическим мотивам автора, его товарищей и коллег. Описывается путь автора в науке, приводятся материалы из его книг, посвящённых языковой шутке, и наблюдения над способами создания каламбура и других видов комического. Записки по содержанию – очень пёстрые. «Тайны лингвистического двора» перемежаются с описаниями зарубежных поездок, походов по Подмосковию, дружеских застолий с шутками и анекдотами; замечания о науке, литературе, судьбах России – с описаниями семейного быта, детского лепета, а весёлые, комические сценки сменяются событиями поистине драматическими. Но... такова сама жизнь. В Приложении даётся ранее не публиковавшийся рассказ автора о Гражданской войне – «Записки красного командира».

УДК 82/821

ББК 84-4

ISBN 978-5-94457-341-4

© Санников В. З., 2018

© Языки Славянской Культуры, 2018

Содержание

Предисловие	6
Аспирантура	7
Институты – языкознания и русского языка	9
Сектор сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков	12
Спорт	15
О нашей работе	16
Работа в Совете министров СССР	17
Письма трудящихся	18
Что читали и смотрели?	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владимир Санников
Записки простодушного Жизнь в Москве

Моим милым детям – Ольге и Андрею

Предисловие

Первые части моих воспоминаний («Картинки моего детства»; «Юность. Несколько мгновений счастья») были опубликованы в 2001–2003 гг. в журнале «Москва», а затем вышли отдельной книжкой («Записки простодушного». М., 2003).

Несмотря на положительную оценку читателями моих мемуаров, я многие годы не мог вернуться к их продолжению. Наверно потому, что некоторые воспоминания московского периода моей жизни причиняли острую боль. С годами она притупилась, и я, по настоянию моих детей, Ольги и Андрея, решил вернуться к своим мемуарам. Надеюсь, что они тоже небезынтересны, в частности, события 60–70 гг., когда в Москве, в стенах небольшого здания на Волхонке, рядом с Гоголевским бульваром тоже – «были схватки боевые» и, помню я, ещё какие!

Я старался строго придерживаться правды. *«Старому врать, что богатому воровать».*

Скажу ещё, что без советов и помощи моих детей ни первая часть моих воспоминаний – «Записки простодушного», ни предлагаемое вашему вниманию их продолжение не были бы написаны.

Бесконечно признателен им, жене Светлане Кузьминой, а также коллегам и друзьям, ознакомившимся с работой или её частями и сделавшим много ценных замечаний. Это Ю. Д. Апресян, Л. П. Крысин, М. Я. Гловинская, Л. М. Иорданская, Ирина и Александр Лазурские и многие другие.

Записки мои по содержанию очень пёстрые. Лингвистика и «тайны лингвистического двора» перемежаются с описаниями зарубежных поездок, командировок, поездок в колхозы, походов по Подмоскovie, дружеских застолий; научные доклады – с детским лепетом, а весёлые, комические сценки сменяются событиями поистине драматическими. Но ведь такова сама жизнь, особенно долгая! Я разделил текст на небольшие разделы, и читатель всегда может пропустить то, что ему неинтересно.

* * *

Аспирантура

Два слова о моих корнях (подробно я писал об этом в первой части воспоминаний).

Были в Еловском уезде Пермской губернии две деревни. В одной (Пески) жили старообрядцы, в другой (Мартьяново) – «мирские», никониане. Всего два километра отделяют деревни, а кажется, что между ними – каменная стена: даже заходить в чужую деревню избегали. И вот старовер, мой отец – Зиновий Санников, встретил «мирскую» девку – Ефросинью Логунову, и они, жители враждующих деревень, полюбили друг друга (Ромео и Джульетта!). Поженились, несмотря на сопротивление родных, а потом сбежали от коллективизации в ближайший город – Воткинск. Там в 1931 г. и родился я, первенец. Отец устроился на работу водовозом. Развозя по учреждениям воду в зимние морозы на обледеневшей бочке, простудился, заболел туберкулёзом и умер в 29 лет, оставив четверых малых детей. А через год – война и трудные послевоенные годы. И мама сумела в тяжелейших условиях вырастить нас и дать образование! Я, старший, окончил в 1955-м историко-филологический факультет Пермского (Молотовского) университета. При распределении я, как обладатель диплома с отличием, мог занять неплохое место, но закрепил за собой окружённое озёрами и болотами село Пянтег на севере Коми-Пермяцкого округа, – поскольку кафедра русского языка дала мне рекомендацию в аспирантуру, и я надеялся поступить в аспирантуру Института языкознания Академии наук в Москве.

И вот я в Москве, где прожил всю оставшуюся жизнь.

Конец московской улицы Волхонка имеет богатую историю. Сначала тут размещался Алексеевский женский монастырь, переведённый позднее в Красное Село, затем на его месте воздвигнут в 1839–1859 храм Христа Спасителя. В 1931-м он был снесён большевиками. Разбор храма продолжался вместо 10 дней, отведённых на это властями, несколько месяцев и всё-таки полностью не удался. Храм сопротивлялся, хотел жить, но для большевиков невозможного нет: 5-го декабря храм взорвали. От мощного взрыва тряслась земля в нескольких московских кварталах, а упрямый храм устоял. Пришлось делать второй взрыв. Сносили храм несколько месяцев, а строили – 20 лет, не считая скульптурной работы и росписи, занявших ещё 7 лет!

На месте храма начали строить величественный Дворец Советов – «стройку века», но война прервала строительство, и долгие годы там был вместо величественного дворца огороженный забором величественный пустырь. В 1960–1994-м на этом месте – плавательный бассейн «Москва». А затем – воскресение храма Христа Спасителя и его освящение 19 августа 2000 г. – событие знаменательное, своего рода знак покаяния – покаяния за тысячи снесённых православных церквей.

Это моё отступление может удивить: при чём тут моя аспирантура? А дело в том, что прямо на противоположной стороне Волхонки стояло, стоит (и, надеюсь, будет стоять) пережившее все эти бури небольшое скромное здание, подобное скромной гимназистке (да это и была попервоначалу женская гимназия). Вот к этому-то зданию, ставшему зданием Института языкознания АН (Академии наук) СССР, подошёл я, робкий провинциал, в начале сентября 1955-го.

Хорошо помню вступительные экзамены и подготовку к ним. Вот я готовлюсь к экзаменам, сидя за столиком в конференц-зале Института, а в противоположном конце зала за столом горячо обсуждают какие-то проблемы трое учёных. Среди них по фотографии узнаю «самого Реформатского», того, который написал замечательное «Введение в языкознание»!

Признаюсь, Александр Александрович меня при первом знакомстве разочаровал: замечательный учёный и – какие-то шуточки! Вот он, задорно поплёскивая глазами, явно рассчитывая и на случайных людей, которые толклись в зале, читает стихи молодого поэта-солдата:

*Есть в итанах у солдата заветное место,
Это место дорожке солдату всего.
Это место – карман, и в нём фото невесты,
Что с победой домой ожидает его.*

Вспоминается также казус, связанный со вступительными экзаменами. На экзамене по русскому языку я, говоря о сложном предложении, в том числе о теории Н. С. Поспелова, произнёс громкую фразу: «Но мне кажется, что профессор Поспелов вместе с водой выплёскивает из ванны и ребёнка». И тут Реформатский (председатель комиссии) указал мне на маленького, скромного человека: «Познакомьтесь – профессор Николай Семёнович Поспелов». Я страшно смутился, но, к счастью, это было уже в конце экзамена.

Кроме меня успешно сдала приёмные экзамены в аспирантуру моя сокурсница Лия Андреева. В октябрьском номере (1955 г.) институтской стенгазеты «Русист» отмечалось, что при конкурсе 12 человек на место в аспирантуру поступили два выпускника Молотовского (Пермского) университета, и подчёркивалось, что этот университет даёт студентам отличную филологическую подготовку.

В небольшом здании Института языкознания на Волхонке – интернационал. Как у Пушкина в «Братьях-разбойниках»:

*За Волгой, ночью, вокруг огней
Удалых шайка собиралась.
Какая смесь одежд и лиц,
Племян, наречий, состояний!*

Сравнение академического института с шайкой разбойников выглядит кощунственным, но – посудите сами: у нас тут и смесь *племян, наречий* (кавказцы, угро-финны, турки, русские...), и смесь научных интересов (специалисты по романским, германским, славянским языкам). Жили дружно, не было ни одной стычки на национальной почве. Особенно дружен я был с чувашем Сашей Феокистовым и с двумя узбеками – Шамси Шакуровым и Борисом Джураевым. Первого (Шамси) безобидно, в шутку называли дехканином, второго – баем (возможно, потому, что он был из более состоятельной семьи). Я жил с ними в одной комнате в аспирантском общежитии. Помню, одна моя знакомая принесла в общежитие и подарила мне – черепаху (!). Может, подражала Аглае Епанчиной, подарившей князю Мышкину ежа. Меня подарок несколько озадачил, а у моих товарищей вызвал отвращение: в Узбекистане черепаха считается нечистым животным. Мы не раз сидели с Шамси и Борисом в ресторане «Узбекистан». На мои советы жениться на русских девушках и остаться в Москве они отвечали: «Нет, они смелые очень!».

«Лингвистический интернационал» прекратил своё существование в 1958 г., когда из Института языкознания выделился Институт русского языка (ИРЯЗ).

Я поступил в аспирантуру в 1955-м, уже после смерти Сталина, но следы сталинских порядков ощущались даже в этом тихом академическом институте. Выбранный секретарём комсомольской организации Института, я знакомился с делами организации и наткнулся на персональное дело сотрудницы Института Г. А. Золотовой. В начале войны она девчонкой поступила на военный завод, скрыв, что она – дочь кулака. «Почему Вы это сделали?» – «Я хотела служить народу в годы войны. Кто бы иначе меня на военный завод принял?». Комсомольское собрание сурово её осудило. Сохранился текст гневного выступления В. П. Даниленко: «Если человек способен солгать с благими намерениями, он способен солгать и с дурными».

Институты – языкознания и русского языка

По окончании аспирантуры я – младший научный сотрудник, учёный секретарь Сектора восточнославянских языков Института языкознания (ИЯЗ) Академии наук СССР. У нас новоселье – переезжаем с Волхонки на первый этаж здания в Китайском проезде. Рядом, на том же этаже – беспокойные соседи – отделение почты. Со временем сектор возвращают на Волхонку, но там уже другой институт – русского языка (ИРЯЗ). За давностью лет мне уже трудно следить за этой чехардой и указывать точно место тех или иных событий. Да это, думаю, не так уж и важно.

Какая приятная, деловая и дружеская атмосфера была до «брежневских холодов» в обоих институтах – их «золотой век»! В коридоре и на заседаниях встречаешь В. В. Виноградова, П. С. Кузнецова, Р. И. Аванесова, А. А. Реформатского, М. В. Панова и других учёных, знакомых мне, провинциалу, только по учебникам. И к любому можешь обратиться за помощью и советом.

После выделения Института русского языка в 1958-м его директором стал замечательный учёный Виктор Владимирович Виноградов, автор книги «Русский язык. Грамматическое учение о слове», получившей в 1951 г. Государственную премию. В своё время Виноградов был сослан в Вятку (Киров), потом в Тобольск. Вернувшись в Москву, стал крупнейшим организатором нашей филологической науки: в 1950–1963 – академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР, в 1950–1954 – директор Института языкознания, в 1958–1968 – директор Института русского языка АН СССР.

Виктор Владимирович был душой и совестью русистики, основателем Виноградовской школы, руководителем коллектива учёных, создавших первую академическую «Граматику русского языка» (1952–1954 гг.)

Помню, сидит он на заседании учёного совета в своей любимой позе, уперев в щёку указательный палец с большим агатом (любил красивые вещи, старинную мебель). Казалось бы, довольно безучастный, чуть ли не спит. Большой насмешник Реформатский говорил: «Слушает Виноградов какой-нибудь доклад о значении такого-то падежа в творчестве такого-то писателя, а на лице выражение: «Ну что, всё можно. Можно о таком-то падеже у такого-то писателя рассуждать, можно шарики из говна катать». Но вот кончается доклад, и Виктор Владимирович делает очень глубокие замечания.

Запомнился 70-летний юбилей В. В. Виноградова. Отмечался он на широкую ногу, в Доме учёных на Пречистенке. Был приглашён цыганский хор (пели: «Витя, Витя, Витя, Витя, пей до дна!»). Иван Козловский, с бокалом в руке, пел про «влагу, пенящуюся в бокалах». Но ещё перед началом торжества меня и ещё одного аспиранта, членов комиссии по проведению торжества, предупредили, что эта *влага в бокалах* должна быть не водой, а настоящим шампанским. А у нас с ним совсем нет денег! Выручил зам. директора Института И. Ф. Протченко, который финансировал это мероприятие. Но – мои злключения на этом не кончились. Когда мы выносили на сцену и ставили перед юбиляром громадную, тяжеленную корзину цветов, я почувствовал, что мои старые, ещё студенческих времён, брюки лопнули сзади, там, где «спина теряет своё благородное название»! Пятясь задом (*Подхалим!* – вероятно подумали некоторые зрители), я скрылся за кулисами.

В Институте царила атмосфера дружеского подшучивания. Помню шуточные переделки фамилий сотрудников-лингвистов: Добродомов – *Злоизбушкин*, Шеворошкин – *Заварушкин*, Долгопольский – *Долгоплотский*, Бромлей – *Бармалей* и т. д. Крайне критичную сотрудницу Людмилу Леонардовну переименовали (кажется, тот же Реформатский) в *Людмилу Леонардовну*.

Рассеянность учёных стала притчей во языцех. Профессор Каблуков явился в университет в разноцветных туфлях – чёрном и коричневом. Коллеги посоветовали ему сходить домой (благо это недалеко) и переобуться. Скоро профессор вернулся, озадаченный: «Там есть другие туфли, но они тоже разноцветные!»

А я помню, как замечательный учёный-диалектолог Рубен Иванович Аванесов, заведующий сектором, пытается внести свой вклад в общее наше чаепитие: «Вот тут жена дала мне какую-то еду». И кладёт на стол дурно пахнущий пакет: он перепутал пакеты и выбросил в помойку пакет с едой, а нас угощает обедками.

А праздничные вечера, самодеятельность! Профессор В. И. Борковский хорошо поставленным баритоном поёт: «*В 12 часов по ночам из гроба встает барабанищик...*». Вера Коннова и Саша Полторацкий отплясывали канкан и Саша в конце лихо запустил в потолок соломенное канотье. А капустастики! Помню, Игорь Добродомов (Злоизбушкин) выходит на сцену с портфелем и с веником подмышкой, усиленно окает, играя роль молодого провинциала из Крыжополя. А вот капустастик на злободневную тему. Хитрая лиса уносит в корзинке двух доверчивых зайчат – отклик на переход молодых сотрудников Лопатина и Улуханова из сектора истории языка в сектор современного языка Н. Ю. Шведовой. Мне тоже предлагали перейти в этот сектор, но я отказался. И напрасно: работал бы над академической «Грамматикой современного русского литературного языка» (вышла в 1970 г.). Всё равно ведь со временем я перешёл от истории языка к исследованию его современного состояния.

Рассказывали мне об одном остроумном капустастике (к сожалению, я его не видел). Там профессор-фольклорист читает лекцию о частушке:

«Частушка – это такой жанг устного нагодного твогчества, где две пегвых стгоки по содегжанию не связаны зачастую с содегжанием двух последних. На-пги-мег:

*У мово милёнка в жопе
Поломалась клизма.
Пгизгак бродит по Евгопе,
Пгизгак коммунизма».*

Далее профессор, безбожно грассируя, объясняет, что частушка присуща не только русскому народу. Приводит старую чукотскую частушку:

*Медведя' убили мы,
Эх, не поделили мы.
Приходил делить шаман,
Лучший кус ему в карман.*

Но пришли новые времена, и обездоленный чукотский народ запел новые песни. Показательный пример – частушка, которую профессору посчастливилось записать в экспедиции на Чукотку:

*Ночью тёмною окрест
К нам в ярангу вор залез.
Хорошо, что он залез
Не в родное МТС.*

«Беда пришла в ярангу бедного труженика, он ограблен, обездолен. Но он *«гад. Гад, что не постгадало общее достояние»* – то, что он трогательно, пусть не совсем грамматически пра-

вильно, называет «*годное МТС*» – вместо *родная МТС* (машинно-тракторная станция). Общее он уже ценит больше частного».

Устраивалось очень скромное, но весёлое чаепитие. В кулинарии ресторана «Прага» закупали громадное количество слоёных пирожков с капустой. Женщины готовили «вкуснятину», представляли на конкурс торты с шутивными названиями – «*Каприз научного работника*» и т. д. Потом песни, танцы (в Институте было тогда много молодёжи).

А в конце вечера мы обычно уходили «тесной компанией» в наш сектор. Чай, иногда вино, шутки, стихи. Оля Смирнова пела романсы, Галя Романова читала стихи Брюсова (*Дорогие черты, искажённые в страстной гримасе... Вы солгали, туманные ночи в июне!..*), я читал покорившие меня стихи Гумилёва – «Капитаны» (*чья не пылью затерянных хартий – солью моря пропитана грудь*), даже стихи, казалось бы, совсем не под праздничное настроение, например, «Вечер»:

*Ещё один ненужный день,
Великолепный и ненужный!*

Сектор сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков

После окончания аспирантуры я был принят в Сектор истории русского языка и диалектологии, но очень скоро стал учёным секретарём вновь образованного Сектора – сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков.

Сектор довольно большой и – как и весь Институт – по преимуществу женский: Мила Бокарёва, Надя Шелехова, Нина Хренова, Ира Ятрополо, Алла Сабенина, Лера Харпалёва. Мужчины – заведующий сектором академик В. И. Борковский, Саша Полторацкий и я.

Жили дружно. Со многими сотрудниками у меня сложились не только деловые, но и тёплые приятельские отношения.

Саша Полторацкий иногда в шутку подписывался так: *1½-цкий*. Утончённый интеллигент, он не мог терпеть малейшие проявления грубости, неловкости даже. Наша сотрудница Мила Бокарёва (Лопатина) увлекалась графологией – наукой об отражении в почерке свойств и психического состояния человека («у оптимиста последние, не умещающиеся в строке буквы, скашиваются вверх, над строкой, у пессимиста – вниз» и т. д.). Заглянувшему в наш сектор психолингвисту Алёше Леонтьеву она поставила диагноз: «Судя по почерку, ты человек скупой». Такой грубости сверх-предупредительный Саша вынести не мог: «Очевидно, Милочка имеет в виду разумную бережливость, экономность!» А Мила – своё: «Нет, я имела виду скупость». Я с Алёшей не был близок и не знаю, верен ли был Милин диагноз.

Полторацкий был поклонником живописи импрессионистов и постимпрессионистов и украсил нашу рабочую комнату репродукциями картин Ван-Гога, Гогена... «Начальство» это насторожило. И вот, приходит к нам какая-то комиссия (от партбюро? от месткома?), советуют снять картинку: «Это не соответствует духу академического института». Один член комиссии (профессор Бокарёв) пытался возражать: «А по-моему, голые таитянки лучше, чем голые стены». Чем дело кончилось, ей-богу, не помню. Сняли, наверное.

В нашу обязанность входило создание картотеки «Сравнительно-исторического синтаксиса восточнославянских языков». Тексты восточнославянских памятников (с XI по XVI в., до разделения Руси на три народности – русских, украинцев, белорусов) мы тушью переносили на листы кальки и отвозили в одну из московских лабораторий для снятия с них светокopies. Ворох рулонов готовых светокopies мы на институтской машине доставляли в сектор. Дальше картина, изумлявшая всех, кто заглядывал в нашу комнату: на столах, на полу, на подоконнике – рулоны, рулоны, рулоны и скорчившиеся фигуры сотрудников, ножницами разрезавших их на отдельные карточки-цитаты. Ну, и последнее – сортировка этих карточек по памятникам, разделам синтаксиса («Подлежащее», «Порядок слов», «Безличное предложение» и т. п.) и размещение их в громадных картотечных шкафах. Эта зачастую довольно монотонная работа оживлялась разговорами, шутками, анекдотами.

Хмурый осенний день. Дождь в окно стучит. Устали возиться с карточками. Кто-то предлагает: «Давайте чайку попьём!». К всегдашним анекдотам добавляются песни.

Поём старую студенческую песню. Вряд ли кто её помнит:

*В гареме нежится султан,
Ему счастливый жребий дан:
Он может триста жён ласкать.
Ах, если б мне султаном стать!
Но он – несчастный человек,
Вина не пьёт он целый век,
Так повелел ему Коран.*

*Вот почему я не султан.
А в Риме Папе славно жить,
Вино, как воду можно пить,
И деньги есть в его казне.
Ах, если б Папой стать бы мне!
Но он – несчастный человек,
Любви не знает целый век,
Не может женщин он ласкать,
И вот, мне Папой не бывать.
А я различий не терплю,
Вино и девушек люблю,
А чтобы это совместить,
Друзья, студентом надо быть.
В одной руке держу бокал,
Да крепко так, чтоб не упал,
Другой сжимаю нежный стан.
Я сразу Папа и султан.
Твой поцелуй, душа моя,
Султаном делает меня,
Когда же я вина напьюсь,
Я Папой римским становлюсь.
(вариант: Я часто папой становлюсь).*

Кто-то тут же вспомнил анекдот на эту тему:

*У султана спрашивают:
– Как это Вы справляетесь с такой уймой жён?
– Очень просто: первой жене я говорю, что иду ко второй, второй
говорю, что иду к третьей, а сам иду спать.*

Татьяна Вячеславовна (Булыгина) спела блатную песню, интересную неожиданными сюжетными поворотами.

Иностраный шпион хочет получить «советского завода план» у рецидивиста, предлагая ему «жемчугу стакан» и соблазняя поездкой «в западный Марсель»:

*Там девочки танцуют голые,
Там дамы в шенителях,
Лакеи носят вина,
Бандиты носят фрак.*

Однако шпион просчитался: рецидивист оказался истинным патриотом своей страны:

*Мы взяли того субчика,
Отняли чемодан,
Отняли деньги-франки
И жемчугу стакан.
Потом его мы сдали
Властям в НКВД
С тех пор его по тюрьмам
Я не встречал нигде.*

И концовка:

*Меня благодарили власти,
Жал руку прокурор,
И тут же посадили
Под усиленный надзор.
И вот теперь, братишечки,
Одну имею цель:
Ах, как бы мне увидеть
Этот западный Марсель,
Где девочки танцуют голые,
Где дамы в шениелях,
Лакеи носят вина,
Бандиты носят фрак.*

Результатом работы Сектора была четырёхтомная коллективная монография «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков» (М.: Наука, 1968–1973).

Спорт

Днём в обеденный перерыв мы зачастую делали зарядку во дворе Института или играли там в волейбол. А после работы в конференц-зале Института, где только что кипели научные страсти, мы – Юра Апресян, Игорь Улуханов, Лена Сморгунова, Кира Филонова, Алла Сабенина, я – сдвигали кресла, устанавливали столы и играли в пинг-понг. Даже в соревнованиях Академии наук участвовали. Когда полем битвы был наш Институт, в конференц-зал приходили наши болельщики, даже старшие коллеги, как Софья Владимировна Бромлей, и горячо нас поддерживали. Соперниками были зачастую большие академические институты, и мы обычно проигрывали. Но ведь князь Святослав прав: *«Мёртвые сраму не имут»*.

Но играли мы не только в настольный, но и в «настоящий», большой теннис. Институт снимал корт в Лужниках. Теннисисты – я и мои коллеги – Алла Сабенина (чуть ли не первая ракетка Академии наук!), Демьянов, Улуханов, Анацкий, Полторацкий, Реформатский. Да-да, вы не ослышались: профессор Александр Александрович Реформатский, несмотря на почтенный возраст (около 70!) играл с нами в теннис – вместе с женой, писательницей Натальей Ильиной. Она, *писательница* (как её почему-то называл Реформатский), играла очень неплохо, а Сан-Саньчу было уже трудно метаться по корту. Но если уж мяч попадал ему под руку, то держись – следовал мощный удар. И вообще, замечательный учёный, автор непревзойдённого, яркого «Введения в языкознание» интеллигент Реформатский был крепкий мужик. Заядлый охотник. Его комнату у метро Аэропорт украшали охотничьи трофеи, чучела птиц. Помню живые, часто озорные, рассказы об охоте и об общении с аборигенами, иногда «очень тесном»: *«А он мне в морду – хрясь! А ему в морду – хрясь!»*.

О нашей работе

Предвижу законный вопрос: «Когда же вы успевали работать? Всё у вас шуточки, да веселье, да спортивные игры!» Успевали. Результатом работы Института явились фундаментальные коллективные труды. Это – удостоенные государственных премий «Русская грамматика» (Т. 1–2. 1980), «Диалектологический атлас русского языка», а также коллективные труды «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (М., 1975–), «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (М., 1988–), «Этимологический словарь славянских языков» (Вып. 1–20. 1974–1994), «Русский язык и советское общество» (под ред. М. В. Панова), «Русская разговорная речь» (М., 1973–1983). И это далеко не всё. Солидный список работ Института русского языка АН СССР приводится в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (М.: Советская энциклопедия, 1990). А ведь это сведения только на 1990 г. За последующие годы тоже немало было сделано. К тому же кроме коллективных работ были ещё индивидуальные исследования, статьи в научных журналах. В январе 2001 г. Институтом русского языка им. В. В. Виноградова основан журнал «Русский язык в научном освещении». Как видите, мы не такие уж бездельники – между пирушками и капустниками умудрялись поработать.

Работа в Совете министров СССР

Жить на зарплату младшего научного сотрудника, да ещё и с семьёй, да ещё и выплачивая кредит за кооперативную квартиру, было трудновато. Редкой удачей была недолгая работа в Совмине СССР, в составе группы сотрудников Института иностранных языков под руководством Виктора Юльевича Розенцвейга. Я был привлечён к этой работе, когда уже создавалось впечатление, что она будет скоро прекращена (кончалось финансирование?). Алик Жолковский шутил: «Санников на ходу впрыгнул в поезд, который на всех парах шёл под откос».

В нашу задачу входило создание системы автоматической обработки документации. Поступает, например, запрос: «Где производятся детские коляски?» или в другой словесной форме: «Укажите заводы по производству детских колясок» и т. д. И машина должна выдать соответствующую информацию. Нам, лингвистам, эта работа была интересна. К тому же она неплохо оплачивалась. Помню, я, как кандидат наук, получал более высокую зарплату, и меня это немного смущало, потому что мой вклад в дело был не больше, чем вклад «неостепенённых» коллег. Естественно, что я свою кандидатскую прибавку отдавал на общие нужды.

Мы работали с документами в здании Совмина на ул. Горького. Часто обедали там в хорошей и недорогой столовой, а потом переходили в кафе, чтобы выпить крепкого кофе. Результаты работы оформлялись в виде квартальных отчётов. Их мы составляли по очереди. Помню, когда очередь дошла до Жолковского, он написал отчёт в виде акростиха: начальные буквы предложений составили стихотворную фразу:

*Плати за эту липу
скорее и без скрипу.*

Но, по чистой совести, это не была липа. Мы делали эту работу с увлечением. Хотя она не дошла (не по нашей вине) до практической реализации, её результаты могли быть использованы в информатике и прикладной лингвистике.

На деньги, полученные в Совмине, я смог купить отличные чешские стулья – взамен стоявшего у нас старья. Когда мы вселялись в новую кооперативную квартиру, у нас не было мебели, и сердобольная сотрудница института, секретарь партбюро, недорого уступила нам свою подержанную мебель. К сожалению, вместе с мебелью мы завезли в квартиру ещё и клопов. На эту тему есть хороший анекдот (из серии так называемых абстрактных анекдотов):

Хозяйка предупреждает гостя: – *Не садитесь на этот диван. Там масса клопов. – Почему же вы его не выбросите? – Мы выбрасывали, но они приносят его обратно.*

Письма трудящихся

Других дополнительных заработков было мало: иногда рефераты лингвистических работ, иногда ответы на письма трудящихся. За письмо – ответ трудящемуся – плата совершенно мизерная. Это скорее развлечение – до того эти письма были иногда смешны и забавны. Помню, в одном письме предлагалась такая этимология слова *марципан*: «Слово польское. Пани или паненка, получая из рук пана это кондитерское изделие, благодарили: *Мерси, пан!*» (В действительности – слово из итальянского *marzapane*, имеющего арабские корни). Но были и письма, которые заставляли задуматься о точном значении некоторых слов и понятий, например, о воинских чинах и званиях, а также о дворянских титулах в дореволюционной России и об их градации. Я знаю теперь, что *барон* ниже *графа*, что *штабс-капитан* не выше *капитана* (как я всегда думал), а ниже, что *ротмистр* – кавалерийский офицер, соответствующий чину *капитана* в пехоте и т. д.

Что читали и смотрели?

(Интересно ли это вам?)

Уже с пяти лет я был большой книгоцей, а в Москве моя любовь к литературе разгорелась с новой силой. Я, провинциал, «открывал Америку», знакомился с творчеством замечательных поэтов – Мандельштама, Волошина, Цветаевой, Заболоцкого. Поразило одно из последних стихотворений измученного сталинскими лагерями, смертельно больного Заболоцкого – искрающую радостью жизни, весельем, юмором замечательную «Поэму весны»:

*Пессимисту дала ты шлепка,
Настежь окна в домах растворила,
Подхватила в сенях старика
И плясать по дороге пустила.*

...

*Это ты, сумасбродка-весна!
Узнаю твои козни, плутовка!
Уж давно мне из окон видна
И улыбка твоя, и сноровка.
Скачет по полю жук-менестрель,
Реет бабочка, став на пуанты...*

Поразили трагическая судьба и стихи Николая Гумилёва, *поэта-конкистадора, поэта-рыцаря, поэта-воина*, как его называли, – воина не только в стихах, но и в жизни. Участник I мировой войны, доброволец лейб-гвардии Уланского полка, кавалер двух солдатских Георгиевских крестов, потом прапорщик 5-го Гусарского Александрийского полка. Направленный летом 1916-го на излечение в Царское Село, активно участвует в жизни литературного Петрограда: пишет стихи, пьесу «Гондла», проводит творческие вечера в «Союзе поэтов», в феврале 1921-го избран руководителем петроградского отделения Всероссийского союза поэтов. С 1918 г. до гибели входит в состав редколлегии издательства «Всемирная литература». 3 августа 1921-го Гумилёв был арестован большевиками за номинальную конспиративную деятельность. Ряд писателей (говорят, и Горький) пытались его спасти. Безуспешно, 35-летний Гумилёв был расстрелян.

Стихи Гумилёва сразу покорили меня – нравились «мужественный романтизм», введённый им в русскую поэзию и взятый потом на вооружение советскими поэтами, напряжённый лиризм других стихов, например стихотворения «Жираф». Никто, по-моему, не смог в русской поэзии выразить с такой пронзительной силой боль трагической неспособности дать счастье близкому человеку:

*Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

<...>

*Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавлен, как радостный птичий полёт.
Я знаю, что много чудесного видит Земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.
Я знаю весёлые сказки таинственных стран
Про чёрную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжёлый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.
И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

И рядом – шуточные стихи:

*Вот девушка с газельими глазами
Выходит замуж за американца...
Зачем Колумб Америку открыл?*

Ждала меня встреча с замечательной прозой Платонова, Романова, с пьесами Булгакова, Бернарда Шоу.

С жадным вниманием мы приглядывались к современной литературе. В 1962–1963 гг. выходят «Один день Ивана Денисовича» и «Матрёнин двор» Александра Солженицына. Какое глубокое знание деревенской жизни и тюремного быта! Мы вслед за автором проживаем шаг за шагом один день жизни лагерника – с побудки до вечерней поверки. И какая точность и яркость языка!

И ещё одна черта «Ивана Денисовича», отличающая его от замечательных, но невыносимо страшных, ошеломляющих «Колымских рассказов» Варлама Шаламова и роднящая с «Капитанской дочкой» Пушкина. «*Не дай Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!*» – говорит Пушкин. И уж, конечно, не дай Бог видеть сталинские тюрьмы и лагеря. Но Солженицын, как Пушкин, показывает нам эту грязь, этот ужас – с таким тактом, с таким чувством гармонии, что это не производит гнетущего впечатления.

Помню, племянница Булгакова Лена Земская дала нам (на одну ночь!) почитать в машинописи роман Булгакова «Мастер и Маргарита». С каким удовольствием мы с женой Светланой читали роман и думали: «Как жаль, что это никогда не будет напечатано!». И какая была радость, когда в 1966–1967 гг. появилась публикация этого романа в журнале «Москва»!

И – свежая струя с окраин: Василь Быков, Чингиз Айтматов, Фазиль Искандер. И «деревенщички» – Виктор Астафьев, Валентин Распутин. И Василий Белов с его «Канунами». Там нет ещё коллективизации, но это – лишь затишье перед бурей: деревенская Русь обречена...

Большой потерей для нашей литературы была гибель (утонул в Байкале в 1972-м) 35-летнего талантливейшего драматурга Александра Вампилова, автора пьес «Дом окнами в поле», «Утиная охота», «Старший сын» и др.

С нетерпением ждали мы выхода очередного номера «Нового мира» – лучшего журнала того времени. Там был напечатан роман Георгия Владимова «Три минуты молчания» и другие яркие произведения. Интересны были и материалы отдела критики, например, большая и очень глубокая статья Владимира Лакшина о «Мастере и Маргарите» Булгакова.

Среди трескучей соцреалистической халтуры возникали и другие яркие звезды: Юрий Казаков, Юрий Панкратов с его простыми и такими трогательными стихами:

*Ты теперь не там живёшь
И не так живёшь.
Ты меня не так поймёшь,
Так и не поймёшь.*

А как мы радовались, смеялись, повторяли как поговорки юмористические сценки из современной жизни: «Помнишь, у Райкина...», «Как это у Райкина?..», не подозревая, что Аркадий Райкин – замечательный чтец, а текст – остроумный, злободневный, смелый (иногда на грани допустимого в СССР) – принадлежит талантливому сатирику Михаилу Жванецкому, о котором Алла Пугачёва остроумно сказала: «Какой же он сатирик? Он сатира, сатирище!». Помню, мне удалось во время командировки в Ленинград выклянчить у администратора театра билет на вечер Райкина. Ни в напечатанной программке вечера, ни в самих выступлениях Райкина ни разу не была упомянута фамилия автора текстов – Жванецкого!.. И конечно, всё это если не с подачи, то наверняка при попустительстве Аркадия Райкина. В «Советском энциклопедическом словаре» (М., 1990) Аркадий Райкин, Герой Соц. Труда, лауреат Ленинской премии, объявляется «**создателем** остросатирических и лирических портретов», а Михаилу Жванецкому, действительному создателю этих образов, не нашлось места ни в этой энциклопедии, ни в «Литературном энциклопедическом словаре» (М., 1987). Справедливость частично восторжествовала: в «Российском энциклопедическом словаре» (М., 2001) Райкину отводится более скромная роль – «**мастер мгновенного перевоплощения**», и помещена небольшая статья о Жванецком.

Интересно было окунуться в мир иностранной литературы – и современной (Генрих Бёлль, Ханс Фаллада, Эрнест Хемингуэй), и древней (японские пятисложные *тайка* и трёхсложные *хокку* (мастером хокку был в XVII в. Мацуо Басё):

*О, кленовые листья!
Крылья вы обжигаете
Пролетающим птицам.*

или:

*Я шла и шла
К голубой луне,
А она всё далёко.*

Читая эти стихи, я вспомнил, что в детстве я тоже удивлялся: бегу, бегу мимо луны (спереди справа она, совсем близко!) и никак не могу её миновать.

Открытием был для меня испанский поэт Гарсиа Лорка, расстрелянный испанскими фашистами 19 августа 1936 г. Когда-то он написал пророческие стихи:

*Ах, как матери моей мне жалко,
сына ей уж не увидеть.*

И другие:

*Когда я умру,
оставьте дверь на балкон открытой.
Мальчик ест апельсины.
(С балкона его я вижу.)*

*Жнец срезает колосья.
(С балкона его я слышу.)
Когда я умру, оставьте дверь на балкон открытой.*

(Пер. Роберта Похлебкина).

В творчестве Лорки очень сильны цыганские мотивы:

*Начинается плач
гитары.
Разбивается
чаша утра.
Начинается плач
гитары.
(...)
О, гитара,
бедная жертва
пяти проворных кинжалов!*

– это Гарсиа Лорка в переводе Марины Цветаевой.
Эти стихи переведены также Владимиром Вуличем:

*Начинается плач
гитары.
Тихо разбились
Рассвета бокалы.
Начинается плач
гитары.*

– этот перевод мне нравится больше цветаевского.
Стихи Лорки перекликаются со стихами Аполлона Григорьева «Цыганская венгерка»:

*Две гитары зазвонев,
Жалобно заныли.
С детства памятный мотив,
Старый друг мой, ты ли?
Басан, басан, басана́
Басана́та, басана́та,
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата...*

Листая страницы журнала «Иностранная литература», мы погружались в экзотический мир японской (Кабо Абэ, Акутагава) и латиноамериканской литературы – аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес, Маркесы – трое (!): перуанец Хосе, пуэрториканец Рене, колумбиец Габриэль Гарсиа – автор замечательного романа «Сто лет одиночества».

С большим интересом читали повести бразильского писателя Жоржи Амаду («Дона Флора и два её мужа» и другие). Особенно понравилась мне написанная с мягким юмором повесть «Старые моряки», перекликающаяся с романом Альфонса Доде «Тартарен из Тараскона». Советские литературоведы из всех западных (и наших) писателей делали «обличителей буржуазного строя». А герой Жоржи Амаду Васко Москозо – просто безобидный выдумщик,

поэт в душе, вообразивший себя капитаном. И вдруг ему действительно пришлось командовать судном «Ита»! Всё шло хорошо, поскольку он «доверил» командование старшему помощнику. Однако по прибытии в конечный порт распоряжаться полагалось самому капитану. На все вопросы («На сколько швартовов зачаливать судно?», «Сколько бросать якорей?», «Сколько тросов?») он отвечал: «Все!». Погода стояла отличная, и все потешались над судном, туго спелёнутым, как младенец, и над его незадачливым капитаном. И вдруг налетела сильнейшая буря. Многие суда затонули или были унесены в открытое море. А «Ита» уцелела, и все восхищались прозорливым капитаном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.